

ПОЛИТИКА

А. Ю. Мельвиль

НЕОКОНСЕРВАТИВНЫЙ КОНСЕНСУС В РОССИИ?

Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии

Ключевые слова: «Крепость Россия», консерватизм, идеологическая борьба, традиционные ценности, геополитика

Около 10 лет назад в рамках исследовательского проекта «Альтернативные сценарии будущего России в 2020 г.», в котором мне довелось принять участие¹, были сформулированы четыре сценарных варианта. Самым нежелательным и наименее вероятным из них в глазах участников фокус-групп, проведенных в 2007 и 2009 гг. с разными категориями респондентов от Калининграда до Владивостока, был сценарий «Крепость Россия»²:

¹ Мельвиль, Тимофеев 2008, 2010; Melville, Timofeev 2009.

² См. сходный сценарий «Осажденная крепость» в Кречетова, Сатаров 2016.

«Ситуация в мире очень нестабильная и напряженная. Международное право и международные организации резко ослаблены. Роль силы в международных отношениях стала решающей. Идет новая гонка вооружений. Распространяется оружие массового уничтожения.

Россия фактически оказалась во враждебном окружении. Вдоль ее границ сложилась „дуга“ реальных, тлеющих и потенциальных вооруженных конфликтов. США и ЕС решили, что „Россия потеряна“, оставили надежды, что смогут влиять на развитие России в нужном для них направлении, и вернулись к политике „холодной войны“ и „сдерживания“. Они ставят всевозможные барьеры российскому бизнесу, идет жесткая борьба за энергоресурсы и пути их доставки. Цены на нефть скачут, и для России это очень невыгодно. <...>

Враждебное отношение Запада к России привело к оттоку капиталов, прекращению иностранных инвестиций. Резко возросли расходы на оборону. Приходится „затягивать пояса“ — сокращается потребительский сектор, падают доходы, растут налоги. Все это, с учетом нестабильных цен на нефть и активного сопротивления энергетической политике РФ, значительно осложнило решение задач российской модернизации. Государство вынуждено мобилизовать все ресурсы для отпора внешним вызовам и угрозам, ради сохранения суверенитета, независимости и территориальной целостности. Блок „силовики“ определяет и внутривнутриполитические „правила игры“. Политической оппозиции не существует. Произошла национализация компаний в ключевых отраслях экономики — топливно-энергетическом комплексе, машиностроении, транспорте.

Резко растет ВПК, но растет и инфляция. В отношениях с регионами федеральный центр полностью доминирует.

Страна должна сплотиться, чтобы противостоять внешним угрозам, даже если это ограничивает некоторые индивидуальные права и свободы. Россия балансирует между мировыми центрами силы, возвышаясь как „крепость“ над опасным „океаном хаоса“.

Однако события внутри страны и за ее пределами, похоже, развиваются сегодня как раз в этом направлении. И в отношении них складывается удивительное согласие в массовых представлениях, настроениях элит и официальной российской риторике. Эта невиданная прежде «симфония» власти, элитных групп и населения ставит вопрос о практически возникшем в России в последнее время идейно-политическом консенсусе, оправдываемом специфической разновидностью неоконсервативной идеологии.

NB! Два уточнения. Во-первых, приставка «нео-» означает лишь то, что сегодняшний российский консерватизм содержательно и функционально отличен от того, что часто определяют как «сталинский консерватизм», «консерватизм брежневской эпохи», «консерватизм ГКЧП» и пр. Во-вторых, консерватизм по своей природе ситуативен (на что в свое время обращал внимание еще Самуэль Хантингтон³), то есть, наряду с некоторыми идеями, органически присущими консерватизму как таковому, его реальное содержательное наполнение зависит от специфики конкретной общественно-исторической ситуации, в которой он возникает в качестве охранительной реакции.

³ См. Huntington 1957.

⁴ Некоторые развиваемые в ней положения представлены в Melville 2017.

Каковы масштабы этого консенсуса и насколько он монолитен? Каковы его содержательные компоненты? Что делает его прочным — и насколько? Каковы его перспективы? Возможна ли его эрозия? Поиск ответов на эти вопросы и посвящена данная статья⁴.

Общие контуры консенсуса

⁵ См., в частности, Радаев 1995.

С учетом, в том числе, отмеченной выше ситуативности консерватизма *per se* нам не приходится говорить о формировании в постсоветской России сколько-нибудь устоявшегося идеологического спектра, соответствующего более или менее общепринятым в современной политической науке классификациям. Существующие у нас «измы» во многом эклектичны и, как Протей, изменчивы⁵. К тому же российские идейно-политические размежевания последних трех десятилетий (как, впрочем, и более ранние) не укладываются в традиционную западную оппозицию либерализма и консерватизма с их левым и правым радикальными флангами.

Тем не менее по крайней мере один политический и идеологический тренд последних лет вполне очевиден: на смену идейным метаниям

и вялым поискам новой национальной идеи в 1990-х годах уже с середины 2000-х постепенно, а «после Крыма» — почти взрывообразно приходит то самое идейно-политическое согласие, о котором шла речь выше. Конечно, любой консенсус подобного рода относителен, а единение власти, элит и народа никогда не буквально. Однако как доминирующая тенденция это идейно-политическое согласие находит множество подтверждений — от принимаемых внешне- и внутривнутриполитических решений до состояния общественного мнения.

Общие контуры сложившегося в последние годы условного консенсуса достаточно определены. Россия оказалась во враждебном окружении и отвергает несправедливые западные «правила игры». Россия — особая цивилизация, и у нее свой путь, отличный от европейского. Различия в ценностях фундаментальны и непримиримы. Чтобы выстоять, нужно, как не раз бывало в российской истории, сплотиться вокруг государства.... Ну чем не сценарий «Крепость Россия»?

Эти представления подкрепляются сформировавшейся на наших глазах неоконсервативной идеологией — и вместе с тем ею же и стимулируются. При этом идеологические и политические оппоненты неоконсерватизма сегодня практически маргинальны⁶.

Нужно учитывать, что и сам новый консерватизм не монолитен. Он включает в себя несколько содержательных блоков (об этом — ниже) и имеет четко различимые фланги, которые, в свою очередь, дифференцированы индивидуально и институционально⁷. Условно говоря, существуют радикальные и умеренные версии неоконсервативной идеологии. С одной стороны, это предельные и в целом периферийные позиции в духе Изборского клуба, ратующего за «цивилизационную войну по всем направлениям», «Русский космизм» и т.п.⁸ С другой — вполне утонченный и подчас даже рафинированный анализ различных идеологических и политических сюжетов, представленный, например, в работах Института социально-экономических и политических исследований, в частности в регулярном альманахе «Тетради по консерватизму»⁹. На практике, правда, эти фланги часто размыты.

Но, несмотря на очевидные различия между отдельными группами и направлениями в рамках современного российского неоконсерватизма¹⁰, имеется ряд общих для них идейных компонентов, которые в целом созвучны как позиции власти и ключевых элит, так и массовым настроениям в обществе. Именно их наличие и позволяет рассматривать неоконсерватизм одновременно как доминирующее сегодня в России идейно-политическое течение и как специфическую идеологию.

⁶ Причины такого положения дел, в том числе упадок либеральной и иных альтернатив, не очевидны и нуждаются в отдельном непредвзятом анализе.

⁷ Одни институционализированные центры делают больший акцент на философско-мировоззренческой тематике, другие — на внутриполитических сюжетах, третьи — на геополитике и международных отношениях и т.д.

⁸ См. <http://izborskclub.ru/>.

¹⁰ Их более детальный анализ см. Tsygankov 2016; Bluhm 2016.

Основные идейные компоненты

В сегодняшнем российском неоконсерватизме, независимо от его флангов и течений, так или иначе присутствуют, пусть в разных сочетаниях и с разной интенсивностью, как минимум четыре содержательных блока.

1. *Непримиримая борьба идей и ценностей.* В числе центральных компонентов неоконсерватизма — тезис о непримиримых идеологических и ценностных разногласиях как одной из ключевых демаркационных линий в современном мире: «свобода» (как идеал западного ядра стагнирующей мировой системы) vs. «справедливость» (как идеал поднимающегося «не-Запада»). Этот ценностный раскол фундаментален и принципиально неразрешим. В этой логике какие бы то ни было «общечеловеческие ценности», о которых много говорилось начиная со второй половины 1980-х годов, невозможны, а перестройка, «новое мышление» и сотрудничество в решении глобальных проблем — не более чем наивные и опасные иллюзии. Так, собственно, иной раз и утверждается: взаимозависимость и глобализация — это не столько благо, сколько «факторы уязвимости»¹¹.

¹¹ *Стратегия 2016.*

Фактически возрождается забытый советский дискурс — «идеологическая борьба 2.0», в пределе даже «смертельная война»¹². Конечно, подобная крайняя риторика «маргиналов» и утонченные аргументы нового «мейнстрима» — вещи очень разные, но общая мысль все же сходная. И смысл ее прост — назад, к «до-новому мышлению». При этом ответственность за нынешний «идеологический ренессанс» возлагается прежде всего на Запад и вдохновляемую им «международную идеократию»¹³.

¹² *Нагорный 2015.*

¹³ *Лукин 2016.*

Нужно также видеть, что сам тезис о «реидеологизации» и «обострении идеологической борьбы» в основном предлагается «для внутреннего потребления» — преимущественно как инструмент мобилизации и легитимации нового *status quo*. Иными словами, российский неоконсерватизм как идеология изначально партикулярен и лишен универсалистского запала¹⁴.

¹⁴ *Timofeev 2016.*

2. *«Страна-цивилизация».* Это также один из центральных компонентов обсуждаемого нами (пусть в чем-то и условного) неоконсервативного консенсуса, возрождающий мотивы ранее почти позабытого евразийства. Речь идет об «особом пути» и «духовных скрепах» как основах всеобъемлющего этатизма¹⁵, о России как «континентальной империи, а не национальном государстве»¹⁶, о «всплывающей Империи»¹⁷, «Пятой империи Россия»¹⁸, чуть ли не о «Третьем Риме».

¹⁵ *Взвешенный анализ этого тренда см. Малинова 2014.*

¹⁶ *Михалков 2010.*

¹⁷ *Аверьянов (ред.) 2015.*

¹⁸ *Проханов 2007.*

¹⁹ *«В пределе русский идеал — святость, Святая Русь, это универсалистский идеал, не ограниченный географически, идеологически, метафизически» (<https://izborsk-club.ru/5473>).*

²⁰ *См., напр. Межуев 2016.*

Опять-таки в этом содержательном блоке очевидно внутреннее напряжение (если не противоречие) между заявкой на мессианство, с одной стороны, и уникальной «избранностью» — с другой. Но важнее даже не само это внутреннее напряжение, в принципе характерное и для других сочетаний мессианства и «исключительности» (например, американского), а их направленность. Наш «особый путь» предполагает «государствоцентричную» модель и подчинение индивидуального интереса формулируемому «сверху» коллективному благу.

Конечно, чрезмерные обобщения могут быть обманчивы — не стоит все же отождествлять грубоватый мессианизм Изборского клуба¹⁹ и гораздо более утонченную аргументацию «Тетрадой по консерватизму»²⁰. Но, тем не менее, общие идейные мотивы и их истоки вполне сходные.

3. *Социальный консерватизм.* Традиционные общественные и семейные ценности, освященные религиозным фундаментализмом, «православная этика и дух солидарности»²¹ vs. «разрушительный, идущий с Запада, индивидуализм и атомизация общества»²² — эти темы тоже проходят центральной линией в идеологии нового консерватизма вполне в духе рейгановского «Морального большинства», но, разумеется, преломленные в отечественной идеологической призме. Именно от «постхристианского Запада» проистекает сегодня угроза разрушения цивилизации («дегуманизация», «десуверенизация» и «десоциализация»²³), и только Россия может возглавить всемирное движение за возвращение к моральным устоям и традициям, за спасение основополагающих традиционных ценностей от сегодняшнего «европейского разложения» и охранение социально-политического *status quo*.

Примечательно, что сегодняшних российских сторонников нового консерватизма — в отличие, кстати, от более классических консерваторов европейского и американского «разлива» — вопросы верховенства права и законности как таковой практически не беспокоят, поскольку их затмевают приоритеты традиционной нравственности и морали. В этом вполне красноречиво признаются и сами неоконсерваторы: «Для консерватора традиции и мораль выше закона»²⁴. Четче, право же, не сказать.

4. *Специфически*²⁵ *трактуемая геополитика.* Геополитический компонент так или иначе просматривается на всех флангах и во всех направлениях нового консерватизма, в том числе, естественно, и «специализированных» на международной тематике. Тем самым антизападничество идеологическое подкрепляется антизападничеством геополитическим, и наоборот (что, вообще-то, не было присуще классической геополитике Фридриха Ратцеля, Карла Хаусхофера, Хэлфорда Джона Маккиндера, Альфреда Тайера Мэхэна и др., но вполне отвечает духу нашего евразийства — как «старого», так и «нео-»).

Евразийские мотивы в той или иной мере присутствуют во всем нынешнем российском неоконсервативном нарративе; в радикальных его версиях (в духе Александра Дугина) — открыто, в более рафинированных — скорее подспудно. Причем в обоих случаях эти сюжеты удивительным образом перекликаются с логикой вполне традиционного западного, идущего еще от Джорджа Кеннана, понимания геополитических истоков международного поведения России и свойственной ей картины мира. Незащищенность территории и угрозы безопасности со всех направлений, территориальная экспансия для достижения «стратегической глубины», «буферные зоны» ради безопасности, авторитарное государство для мобилизации ресурсов — эта аргументация сегодня вновь восстанавливается как мейнстрим в интерпретации российской политики ведущими западными экспертами²⁶. Отсюда и мантра «Веймарской России» как предостережение об опасности мести державы, проигрывающей в глобальном геополитическом противостоянии.

²¹ Щипков 2015.

²² Аверьянов (ред.) 2015.

²³ Ремизов 2014.

²⁴ Макаренко (ред.) 2015.

²⁵ «Специфически» в данном случае означает, по сути, упрощенное, черно-белое понимание сложной и никем и никогда не отмеченной геополитической реальности. По образному выражению Андрея Кортунова, это «геополитика для чайников» (Кортунов 2015).

²⁶ Kotkin 2016; Graham 2016.

Сходные установки, пусть в других формулировках и с другим оценочным знаком, явственно проступают и у наших неоконсерваторов. Примечательно, что многие из нынешних российских адептов геополитики еще недавно были сторонниками глобализации и сотрудничества, почти либеральными интернационалистами. Но сегодня, с изменением внутреннего и мирового контекста, все по-другому: геополитически предопределенная и неизбежная «война всех против всех» есть лишь возвращение к «норме» международных отношений, «момент Гоббса»²⁷. Ренессанс геополитики — это в том числе возврат к *Realpolitik*, парадоксально сопряженный с непоколебимой верой в собственную моральную правоту. Это также и «поворот на Восток», от «Большой Европы» к «Большой Евразии» — опять-таки «поворот» геополитический *сunt* идеологический.

²⁷ *Новые правила*
2015.

Последнее имеет особое значение, поскольку вписывается в более широкую логику неоконсервативного противостояния Европе как геополитической и ментальной реальности. Раз Россия — «не Запад», соответствующим образом должна быть переформатирована и политика российской идентичности, как если бы не было трех «послепетровских» столетий. Если, как утверждается, элиты и население России сегодня «отвернулись» от европейской перспективы и переориентировались на Азию, то именно отстраненность от Европы и должна стать стержнем новообретенной российской идентичности²⁸. Этот взгляд так и хочется называть варварским, но вдобавок он и не очень верен, ибо перечеркивает ключевые векторы российской истории и не отвечает официальной российской риторике. При всем том он вполне симптоматичен для нового консервативного тренда, доводя его утонченные формы до своего рода интеллектуального предела, когда они, как ни странно, оказываются сродни маргинальным установкам наших радикальных «неоконов».

²⁸ *Миллер, Лукьянов*
2016.

Таковы основные идейные компоненты нового российского консерватизма (которые, разумеется, отнюдь не исчерпывают его вариаций). Как мы видим, они во многом эклектичны, подвержены внутренним напряжениям, но тем не менее составляют его, если угодно, содержательный инвариант. Возникает вопрос: чем объяснить столь быстро возникший социальный запрос на новую идеологию и насколько он устойчив?

Факторы устойчивости

Среди факторов неоконсервативного поворота и его устойчивости прежде всего следует отметить *запрос самой власти и окружающих ее ключевых элит*. Удержание власти — во многом естественный инстинкт политика, независимо от характера режима²⁹. В то же время этот инстинкт может контролироваться и регулироваться принятыми нормами политической культуры и существующими институциональными рамками. В нашем случае неизменность *status quo* любой ценой стала главным приоритетом, эффективно внедряемым

²⁹ *Bueno de Mesquita et al.* 2004.

мощным пропагандистским воздействием («враждебное окружение», «пятая колонна» и прочие мобилизационные инструменты, обеспечивающие прочный феномен «Rally 'Round the Flag»).

Примечательно, что успешность такого воздействия прослеживается и в нарастании консервативных тенденций в умонастроениях значительных групп молодежи. При этом речь идет отнюдь не только о России, ситуация в которой, несомненно, обладает своей спецификой, обусловленной внутренними обстоятельствами³⁰. По всей видимости, эти тенденции должны вносить определенные коррективы и в общепринятые социологические представления об особенностях молодежных ценностей и установок.

В целом же стабилизация положения новых элит — важнейшая причина нынешнего запроса на консерватизм. Именно поэтому совершенно правы авторы коллективного исследования «Консерватизм для развития», когда фактически проговариваются об этой реальной функции консервативного запроса: новая элита «утвердилась у власти и, как это многократно бывало в других странах и исторических контекстах, почувствовала интерес к „фиксации стабильности“, сохранению своего доминирующего положения, для чего нужно снизить риски и вызовы со стороны иных элитных групп, а также создать и институционализировать свою базу поддержки»³¹.

Второй важный, в том числе с точки зрения не только прикладного анализа, но и общей социологии знания, фактор социальной поддержки нового консерватизма заключается в интересах постоянно растущего в России чиновничьего «сословия». Бюрократия и чиновничество, имеющие реальные материальные интересы в сохранении существующего положения дел при постоянно растущих окладах и выгодах от статуса, оказываются, как и во многих других странах мира, вполне естественными носителями охранительной идеологии. И в этом их поддерживают едва ли не все социальные группы, так или иначе, пусть и в разной степени, зависящие от государства, — бюджетники, пенсионеры, военные и др.

Другой очень важный фактор неоконсервативной идейно-политической устойчивости — специфический «средний класс», возникший в России в «тучные» годы ресурсного процветания в результате перераспределения доходов как средства покупки лояльности массовых групп населения. По разным оценкам, к «среднему классу» сегодня относятся от 15 до чуть ли не 40% россиян. Нужно сказать, что это действительно особый «средний класс», ценностные и политические ориентации которого ставят под сомнение универсальность знаменитой «гипотезы Липсета» — если не опровергают ее.

Еще в середине прошлого века Сеймур Мартин Липсет, основываясь на собранных эмпирических данных, обосновал предположение о том, что экономическое развитие и рост благосостояния населения в тенденции приводят к возникновению экономически самостоятельно и независимого среднего класса, который рано или поздно начинает

³⁰ В последнее время появились примечательные эмпирические свидетельства консервативного и авторитарного сдвига в молодежном сознании во многих странах мира — при «либеральности» в этом отношении России (Foa, Mouk 2016; 2017). Это важный индикатор, нуждающийся в дальнейшем углубленном анализе, в том числе в контексте идущей сегодня в литературе дискуссии о кризисе демократии и либерализма и наступающей «консервативной волне» (см. Inglehart 2016).

³¹ Макаренко (ред.) 2015: 241.

³² Lipset 1959.

выступать с требованиями расширения политического представительства и перехода к демократическим процедурам и практикам³². «Гипотеза Липсета» стала с тех пор одной из самых мощных эвристических конструкций не только в рамках парадигмы модернизации, но и в современной социально-политической мысли в целом, и по сей день она находится в фокусе научных дискуссий и прикладных исследований. Нынешний российский опыт вносит свой вклад в эти дискуссии.

³³ Зубаревич 2011.

В самом деле, рост экономического благосостояния в условиях нефтяного бума отнюдь не привел к появлению демократического запроса у нового российского «среднего класса». Скорее наоборот. Наш «средний класс» несамостоятелен и консервативен, он поддерживает стабильность и *status quo*, в массе своей отвергает «западную модель» и верит в «особый путь» России. И это настроения относительно материально обеспеченных и продвинутых жителей мегаполисов, а не просто, в терминологии Натальи Зубаревич, «2-й», «3-й» и «4-й» России³³. Как такое стало возможным?

³⁴ См. Gontmaher, Ross 2015.

Напрашивается предположение, что одним из ключевых факторов, формирующих консервативные политические и идеологические предпочтения большинства представителей нового «среднего класса», является их экономическая и статусная зависимость от государства и его чиновничьего аппарата. Это фактически «служилый» класс, экономически зависимый от административных решений чиновников высшего, среднего и низшего уровней, которые, в свою очередь, руководствуются собственным конкретным материальным интересом и директивами начальства. И нет здесь принципиальных отличий в социальном статусе и экономическом положении — крупный частный собственник, как и мелкий индивидуальный предприниматель, равным образом могут быть лишены собственности или ограничены в правах. По сути своей в сложившейся системе социальных отношений они всего лишь «служащие», судьбу которых по своему усмотрению решают власти разного уровня³⁴. Это совсем не тот «средний класс», который имел в виду сам Липсет и другие сторонники модернизационной парадигмы. Впрочем, Россия в этом отношении отнюдь не уникальна — рост благосостояния широких средних слоев без запроса на демократизацию встречается и в других странах с крепкой государственной вертикалью и слабым гражданским обществом, в том числе в Китае и ряде постсоветских автократий.

Наконец, нельзя не сказать о таком мощном, хотя и внутренне противоречивом факторе поддержки неоконсервативного консенсуса, как *массовые настроения*. Здесь, конечно, нет однозначной зависимости — рождающиеся идеологические тренды вообще имеют собственную логику и далеко не всегда представляют собой прямой ответ на динамику общественного мнения. Во-первых, оно само волатильно, причем влияющие на него внутренние причинные зависимости отнюдь не во всех случаях достоверно выявляются. Во-вторых, есть множество внешних воздействий, включая массированную пропаганду, которые

способны радикально и достаточно оперативно реформировать общественные настроения. В-третьих, проявляющиеся с той или иной степенью интенсивности тенденции в общественном мнении могут служить оправданием для целенаправленной пропаганды и ею же подкрепляться.

Эти сложные сплетения взаимовлияний важно учитывать и применительно к вопросу о массовой поддержке нового консерватизма доминирующими общественными настроениями. Эффективное пропагандистское воздействие, несомненно, является мощным инструментом формирования нынешнего идейно-политического консенсуса. Но это воздействие, в свою очередь, ложится на почву, хорошо подготовленную существующими и воспроизводящимися авторитарными комплексами, массовыми фрустрациями, имперской ностальгией, разного рода фантомными болями и пр. В результате в общественном мнении складывается смешение разных компонентов — гордость за возвращение России статуса великой державы, тревога по поводу враждебного окружения, вера в «особый путь», приоритетность стабильности и порядка и др. Все эти установки созвучны идеологии нового консерватизма.

Общая доминанта массовых настроений с 2014 г. — возвращение статуса великой державы (65%³⁵ — против 31% в 1999 г.). Великой Россию делает военная мощь — 48% (в 1999 г. 30%), экономический потенциал — 39% (в 1999 г. 64%). 82% гордятся тем, что живут в России (эта цифра в последние 10 лет не менялась), хотя сегодняшняя Россия вызывает гордость лишь у 68% (2016 г.).

Патриотический подъем подкрепляется «образом врага», успешно транслируемым пропагандой в массовое сознание. 80% убеждены, что у России есть враги, и это прежде всего Запад (75%)³⁶. Враждебная политика стран Запада проявляется в санкциях (55%), информационной войне (44%), попытках взять под контроль экономику и природные богатства России (35%), сменить существующий в ней режим (27%) и навязать чуждые ценности, культуру, образ жизни, нравы (26%).

Большинство (62%) полагает, что отношения с Западом всегда будут строиться на недоверии — и «не стоит обращать внимание на критику» с его стороны. Показательно, что пропаганде удалось убедить значительную часть населения в присутствии «врагов» не только вовне, но и внутри — 41% считает важной борьбу с «пятой колонной». Свыше половины россиян (55%) согласны с тем, что у России «свой путь», отличный от путей других стран и народов, — правда, 65% не имеют представления, в чем он заключается. В любом случае только у 17% он ассоциируется с «общим для современного мира» путем европейской цивилизации.

Соответствуют, по крайней мере внешне, консервативным приоритетам и представления россиян об общественном порядке и демократии: 61% на стороне порядка, даже если ради него придется ограничить

³⁵ Здесь и далее данные Левада-Центра (<http://www.levada.ru>). При отсутствии особых указаний приводимые цифры относятся к 2015 г.

³⁶ Главные враги России (данные 2016 г.) — это США (70%), Украина (43%), Турция (29%), Польша (24%), Латвия (23%), Литва (23%), Германия (19%), Великобритания (18%), Эстония (16%), Грузия (10%). То есть Россия находится «во враждебном окружении», и на ее стороне лишь Беларусь (50%), Казахстан (39%), Китай (34%), Индия (18%), Армения (13%), Куба (10%), Сирия (10%).

индивидуальные свободы и права человека; 55% верят, что и демократия России нужна совершенно особая, отвечающая национальным традициям. Более того, после Крыма заметно увеличилось число тех, кто считает, что сейчас в России настоящая демократия (62% — против 37% в 2006 г.).

³⁷ Колесников 2015.

Очевидно, что массовые настроения в целом созвучны основным постулатам неоконсерватизма и являются важным фактором его устойчивости³⁷. Хотя проблема «курицы или яйца», о которой говорилось выше («что и на что оказывает влияние?»), так и остается неproясненной.

Потенциал эрозии?

На сегодняшний день прочность нового консервативного консенсуса не вызывает сколько-нибудь серьезных сомнений. На него работают мощные факторы — долгосрочная позиция самой власти, поддержка основных элитных и бюрократических кругов, эффективная мобилизационная пропаганда, охранительные ориентации средних слоев, доминирующие массовые настроения. К тому же в тщательно «отупоуженном» идейно-политическом пространстве сейчас нет и признака каких-либо альтернатив.

Тем не менее на многочисленных внутренних и зарубежных примерах нам не раз приходилось убеждаться в ограниченности существующего политического знания и его прогностических способностей. Именно поэтому стоит обратить внимание и на некоторые, пусть пока неочевидные, возможности и варианты, способные в тенденции и потенции усложнить нынешнюю ситуацию и увеличить неопределенность. Среди них, во-первых, волатильность массовых настроений, на которые опирается нынешний идейно-политический консенсус, во-вторых, возможная динамика внутри господствующих элитных группировок, в-третьих, и это едва ли не главное, внутренние проблемы (изъяны) самой предлагаемой сегодня неоконсервативной идеи. Ну и кое-что еще.

Так, в частности, в последнее время стали проявляться некоторые моменты, которые могут свидетельствовать о примечательных нюансах и возможных новых тенденциях в динамике общественного мнения. Не исключено, что мобилизационный потенциал неоконсервативного консенсуса не столь прочен, как казалось еще недавно. По крайней мере, все возрастающее число россиян (64%) к концу 2016 г. демонстрировало куда бóльшую озабоченность не враждебным окружением и «вставанием с колен», а собственным ухудшающимся материальным положением в условиях экономических невзгод. На роль угрозы № 1 выдвинулся рост цен и обнищание населения (54%), на роль угрозы № 2 — экономический кризис (49%).

³⁸ Возможно, однако, что здесь сыграло свою роль и изменение официальной риторики после победы Дональда Трампа на президентских выборах в США.

Не менее показательным и снижением к концу 2016 г. общего градуса враждебности в российском общественном мнении по отношению к США и странам ЕС, сдвиг в сторону поддержки расширения политических, экономических и культурных связей с Западом³⁸. Уже не 84%

(максимум, достигнутый в сентябре 2014 г.), а 68% полагают, что у России есть враги (18% считают, что их нет). При этом уже не 63%, как в 2015 г., а 52% верят, что России угрожают многочисленные внешние и внутренние враги. По-прежнему много, но все же заметно меньше. А 29% вообще убеждены, что разговоры о «врагах» — просто способ запугивания населения. К тому же и углубленный анализ «по ту сторону» внешних показателей, фиксируемых опросами, может свидетельствовать не столько о реальных настроениях, сколько о специфическом феномене «фальсификации предпочтений», о котором говорил Тимур Куран³⁹, и об общем состоянии самой нашей общественной сферы, что тоже дает основания усомниться в прочности консолидированного «консервативного большинства»⁴⁰.

³⁹ Kuran 1995.

⁴⁰ Рогов (ред.) 2016.

Другая важная неопределенность связана с возможностью возникновения в будущем новых констелляций внутри существующих элит. Речь идет не столько о выдвижении внесистемных контрэлит (хотя и такое в истории бывало), сколько о подъеме внутри правящего класса элитных группировок, непосредственно не связанных с нынешней стратегией консервации *status quo*. Именно поэтому такие внутрисистемные контрэлиты могут быть более свободными в выборе иных стратегических вариантов — кстати, отнюдь не обязательно более демократических и либеральных⁴¹. Такие варианты, впрочем, тоже не самоочевидны и обусловлены самой предпосылкой «регулярной» элитной ротации с учетом сложившейся монополии. Если они станут возможными, то, скорее всего, как относительно долгосрочный поколенческий процесс, признаки которого пока недостаточно просматриваются.

⁴¹ Становая 2016.

В качестве дополнительного момента потенциальной неопределенности можно упомянуть и о возможности постепенной самоорганизации элементов гражданского общества. Понятно, что речь в существующих условиях идет совсем не о политических аспектах, а о ростках гражданской активности «на местах» (от двора до района), направленной на действительное осуществление управленческих и иных гражданских полномочий в рамках существующих институтов⁴². Это, по сути, программа «малых дел», но не без важного социального потенциала.

⁴² Колесников, Волков 2016.

Есть еще она теоретически возможная и немаловажная развилка. С точки зрения теории рационального выбора, это сугубо рациональное стратегическое решение самого лидера — обладателя политической монополии, на которое он может пойти в неблагоприятных условиях ради минимизации худших последствий. И это достаточно универсальная ситуация, не ограниченная конкретными политическими и иными обстоятельствами. Ее отражает предложенная нами ранее аналитическая модель «Царя горы», то есть ситуация относительного равновесия в условиях максимума извлечения экономической и политической ренты и плохого качества управленческих институтов⁴³. Используя данную игровую модель, можно убедиться, что в неблагоприятной ситуации роста внешних и внутренних вызовов и угроз оптимальный выбор лидера заключается в частичном улучшении качества институтов управления, ибо вызванное им усиление конкуренции и неопределенности все же

⁴³ Melville, Mironyuk 2016; Makarenko, Melville 2015; Мельвиль, Стукал, Миронюк 2013.

лучше, чем вероятные последствия альтернативных сценариев (жесткая диктатура, стагнация, бунт).

В нашей нынешней ситуации эта развилка предполагала бы последовательный курс на улучшение качества государственного управления (реальное сокращение коррупции, повышение эффективности экономического регулирования, соблюдение прав собственности и контрактов и др.), что, разумеется, означало бы наступление на интересы влиятельных элитных групп и по крайней мере частичное размывание сложившегося консервативного консенсуса. Наброски такой стратегии, как известно, прорабатываются в некоторых экспертных кругах — но пока что дело этим и ограничивается.

Наконец, потенциальные факторы эрозии нынешнего идейно-политического консенсуса обусловлены и внутренними содержательными проблемами самой неоконсервативной идеологической программы, лежащей в его основе. Адепты нового консерватизма претендуют на то, что «только он может предложить модель развития, учитывающую национальную специфику, предостеречь от ошибок и смягчить издержки перехода»⁴⁴. Но вот это как раз и неочевидно.

В самом деле, политическая история и история политических учений знают ситуации (например, в США, Великобритании и ряде других европейских стран), когда консерватизм становился конструктивным «антидотом» по отношению к радикальным крайностям различных проектов развития — в первую очередь либеральных, но не только⁴⁵. Принципиально важно, однако, что в таких по своему переломных ситуациях он всегда выступал в качестве важного компонента идейно-политического «центра» — наряду и во взаимодействии со своими либеральными и другими оппонентами. Именно в этом и заключается смысл идеи известного американского историка Артура Шлезингера-мл. об идейно-политическом *Vital Center*⁴⁶ как области пересечения консервативных и либеральных ценностей и практических установок. Консерватизм может давать конструктивный импульс развитию только тогда, когда он смягчает крайности радикальных идеологических и политических программ. Исторически — прежде всего либеральных, но также и иных, например социалистических. В любом случае речь идет о диалоге с легитимным оппонентом.

В нашем случае совсем не так. Нынешний российский неоконсерватизм принципиально самодостаточен — ему не нужны и даже противопоказаны какие бы то ни было идеологические и политические оппоненты, предлагающие альтернативные программы развития. Он и не собирается никому оппонировать, поскольку считает свою позицию единственно верной и непогрешимой. В таком своем качестве новый консерватизм может лишь служить идеологией охранения интересов доминирующих элитных слоев и обслуживающих их групп. Однако на основе консервации и охранения в изоляции от иных идеологических и политических проектов нельзя предложить реальную программу развития и модернизации. В конечном счете модернизация России только и возможна как преодоление стратегии *status quo*.

⁴⁴ Макаренко (ред.) 2015: 240.

⁴⁵ Вспомним хотя бы англо-американский неоконсерватизм эпохи Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер (см. Мельвилль 1986).

⁴⁶ Schlesinger 1949.

Ведущие сегодня разговоры о «суверенной модернизации» на основе консерватизма и с опорой на собственные силы (вплоть до импортозамещения), по сути, воскрешают в памяти идею построения социализма «в отдельно взятой стране». Примечательно, что и сама цель развития начинает пониматься иначе — это более не развитие, ориентирующееся на более удачные и передовые экономические и технологические образцы. Это движение в русле продекларированного «собственного пути» без какого бы то ни было универсального целеполагания.

Нынешний замысел «консерватизма для развития» может быть понятен и риторически привлекателен для многих социальных групп, о которых выше шла речь, однако реальной программой развития стать не может. Помимо общих лозунгов, здесь нет конкретной программы экономических, социальных и политических преобразований в эпоху не только геополитических неурядиц, но и глобальной взаимозависимости, экономической интеграции, информационных взаимодействий и т.д.

Сила консерватизма *per se* — в его оппонировании, но и взаимодействии с идеологическими и политическими альтернативами ради формирования и взращивания того самого «жизненного центра», о котором в свое время и в другом контексте говорил Шлезингер-мл. Для этого критически важен открытый диалог, профессиональная и общественная дискуссия по существу тех реальных проблем, которые и вызывают консервативную реакцию. Именно в ходе подобной дискуссии и развиваются идейно-политические альтернативы, которые столь необходимы консерватизму, чтобы он мог выполнять свою конструктивную функцию. Без такой дискуссии можно застрять в «Крепости Россия» на долгое время.

Библиография

Аверьянов В. (ред.) 2015. *Всплывающая империя: Доклад Изборскому клубу* (<http://izborsk-club.ru/content/articles/5201>).

Бызов Л. 2010. «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? // *Мир России*. № 1.

Зубаревич Н. 2011. Перспектива: Четыре России // *Ведомости*. 30.12.

Колесников А. 2015. *Российская идеология после Крыма: Пределы эффективности и мобилизации* (http://carnegieendowment.org/files/CP_Kolesnikov_June2015_web_Rus.pdf).

Колесников А., Волков Д. 2016. *Самоорганизация гражданского общества в Москве* (http://carnegieendowment.org/files/CP_KolesnikovVolkov_2016_Rus_web.pdf).

Кортунов А. 2015. Блеск и нищета геополитики // *Россия в глобальной политике*. 16. 01 (http://globalaffairs.ru/ukraine_crisis/Blesk-i-nischetta-geopolitiki-17256).

Кречетова М., Сатаров Г. 2016. Власть и насилие в России через призму байесовского сценарного анализа // *Полития*. № 4.

Лукин А. 2016. Новая международная идеократия и Россия // *Сравнительная политика*. № 1.

- Макаренко Б.** (ред.) 2015. *Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия*. — М.
- Малинова О.** 2014. «Духовные скрепы» как государственная идеология // *Россия в глобальной политике*. № 5.
- Межуев Б.** 2016. Суверенное бессознательное // *Тетради по консерватизму*. № 3.
- Мельвиль А.** 1986. *США — сдвиг вправо?* — М.
- Мельвиль А., Стукал Д., Миронюк М.** 2013. «Царь горы», или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // *Полис*. № 2.
- Мельвиль А., Тимофеев И.** 2008. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // *Полис*. № 4.
- Мельвиль А., Тимофеев И.** 2010. 2020: российские альтернативы revisited // *Полития*. № 2.
- Миллер А., Лукьянов Ф.** 2016. *Отстраненность вместо конфронтации: Постевропейская Россия в поисках самодостаточности* (http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf).
- Михалков Н.** 2010. *Право и правда: Манифест просвещенного консерватизма* (<http://polit.ru/article/2010/10/26/manifest>).
- Нагорный А.** 2015. *Россия и «западники»* (<https://izborsk-club.ru/7867>).
- Новые правила или игра без правил? Доклад по итогам XI ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай».** 2015 (<http://ru.valdaiclub.com/files/10088/>).
- Понарин Э., Комин М.** 2016. Дилемма русского национализма («Имперский» и этнический национализм в постсоветской России) // *Полития*. № 4.
- Проханов А.** 2007. *Симфония «Пятой Империи»*. — М.
- Радаев В.** 1995. Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии // Чернышев С. (ред.) *Иное: хрестоматия нового российского самосознания*. — М.
- Ремизов М.** 2014. Три направления разрушения современной цивилизации и консерватизм // *Тетради по консерватизму*. № 2.
- Рогов К.** (ред.) 2016. *Политическое развитие России. 2014—2016. Институты и практики авторитарной консолидации*. — М.
- Рогов К.** 2016. Политическая реакция в России и «партийные группы» в российском обществе // *Контрапункт*. № 6.
- Становая Т.** 2016. *Контрэлита России: Из кого будет состоять обновленный правящий класс* (<http://carnegie.ru/commentary/?fa=66248>).
- Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х — начало 2020-х годов.** 2016 (http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/05/%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B_23%D0%BC%D0%B0%D1%8F_sm.pdf).
- Щипков А.** 2015. Российская идентичность и русская традиция на исходе эпохи глобализма // *Тетради по консерватизму*. № 3.
- Bluhm K.** 2016. Modernization, Geopolitics and the New Russian Conservatism // *Freie Universitat Berlin Arbeitspapiere*. № 1.

Bueno de Mesquita B., Smith A., Silverson R., Morrow J. 2004. *The Logic of Political Survival*. — Cambridge.

Foa R.S., Mounk Y. 2016. The Danger of Deconsolidation: The Democratic Disconnect // *Journal of Democracy*. № 3.

Foa R.S., Mounk Y. 2017. The Signs of Deconsolidation // *Journal of Democracy*. № 1.

Gontmaher E., Ross K. 2015. The Middle Class and Democratization in Russia // *Europe-Asia Studies*. № 2.

Graham T. 2016. The Sources of Russian Conduct // *National Interest*. August.

Huntington S. 1957. Conservatism as an Ideology // *American Political Science Review*. № 2.

Inglehart R. 2016. The Danger of Deconsolidation: How Much Should We Worry? // *Journal of Democracy*. № 3.

Kotkin S. 2016. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // *Foreign Affairs*. № 3.

Kuran T. 1995. *Private Truths, Public Lies*. — Cambridge.

Lipset S.M. 1959. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *American Political Science Review*. № 1.

Makarenko B., Melville A. 2015. How Do Transitions to Democracy Get Stuck and Where? // Przeworski A. (ed.) *Democracy in a Russian Mirror*. — N.Y.

Melville A. 2017. Russian Political Ideology — New Conservatism Ascendant // Studin I. (ed.) *Russia — Strategy, Policy and Administration*. — L.

Melville A., Mironyuk M. 2016. «Bad Enough Governance»: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies // *Post-Soviet Affairs*. № 2.

Melville A., Timofeev I. 2009. Russia in 2020: Alternative Scenarios of the Near Future // Almqvist K., Linalater A. (eds.) *On Russia*. — Stockholm.

Schlesinger A. Jr. 1949. *The Vital Center: The Politics of Freedom*. — Boston.

Timofeev I. 2016. From a Greater Europe to a Greater Eurasia // *Russia Direct*. Vol. 4. № 6.

Tsygankov A. 2016. Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin's Return to Power // *Problems of Post-Communism*. № 3.

References

Aver'janov V. (ed.) 2015. *Vsplyvajushhaja imperija: Doklad Izbor-skomu klubu* (<http://izborsk-club.ru/content/articles/5201>).

Bluhm K. 2016. Modernization, Geopolitics and the New Russian Conservatism // *Freie Universitat Berlin Arbeitspapiere*. № 1.

Bueno de Mesquita B., Smith A., Silverson R., Morrow J. 2004. *The Logic of Political Survival*. — Cambridge.

Byzov L. 2010. «Neokonservativnaja volna» v sovremennoj Rossii: faza ocherednogo cikla ili stabil'noe sostojanie? // *Mir Rossii*. № 1.

Foa R.S., Mounk Y. 2016. The Danger of Deconsolidation: The Democratic Disconnect // *Journal of Democracy*. № 3.

Foa R.S., Mounk Y. 2017. The Signs of Deconsolidation // *Journal of Democracy*. № 1.

Gontmaher E., Ross K. 2015. The Middle Class and Democratization in Russia // *Europe-Asia Studies*. № 2.

Graham T. 2016. The Sources of Russian Conduct // *National Interest*. August.

Huntington S. 1957. Conservatism as an Ideology // *American Political Science Review*. № 2.

Inglehart R. 2016. The Danger of Deconsolidation: How Much Should We Worry? // *Journal of Democracy*. № 3.

Kolesnikov A. 2015. *Rossijskaja ideologija posle Kryma: Predely ehffektivnosti i mobilizacii* (http://carnegieendowment.org/files/CP_Kolesnikov_June2015_web_Rus.pdf).

Kolesnikov A., Volkov D. 2016. *Samoorganizacija grazhdanskogo obshhestva v Moskve* (http://carnegieendowment.org/files/CP_Kolesnikov-Volkov_2016_Rus_web.pdf).

Kortunov A. 2015. Blesk i nishheta geopolitiki // *Rossija v global'noj politike*. 16.01 (http://globalaffairs.ru/ukraine_crisis/Blesk-i-nishcheta-geopolitiki-17256).

Kotkin S. 2016. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // *Foreign Affairs*. № 3.

Krechetova M., Satarov G. 2016. Vlast' i nasilie v Rossii cherez prizmu bajjesovskogo scenarnogo analiza // *Politeia*. № 4.

Kuran T. 1995. *Private Truths, Public Lies*. — Cambridge.

Lipset S.M. 1959. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *American Political Science Review*. № 1.

Lukin A. 2016. Novaja mezhdunarodnaja ideokratija i Rossija // *Sravnitel'naja politika*. № 1.

Makarenko B. (ed.) 2015. *Konservatizm i razvitie: Osnovy obshhestvennogo soglasija*. — M.

Makarenko B., Melville A. 2015. How Do Transitions to Democracy Get Stuck and Where? // Przeworski A. (ed.) *Democracy in a Russian Mirror*. — N.Y.

Malinova O. 2014. «Dukhovnye skrepy» kak gosudarstvennaja ideologija // *Rossija v global'noj politike*. № 5.

Melville A. 1986. *SShA — sdvig vpravo?* — M.

Melville A. 2017. Russian Political Ideology — New Conservatism Ascendant // Studin I. (ed.) *Russia — Strategy, Policy and Administration*. — L.

Melville A., Mironyuk M. 2016. «Bad Enough Governance»: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies // *Post-Soviet Affairs*. № 2.

Melville A., Stukal D., Mironyuk M. 2013. «Tsar gory», ili Pochemu v postkommunisticheskikh avtokratijakh plokhie instituty // *Polis*. № 2.

- Melville** A., Timofeev I. 2008. Rossija 2020: al'ternativnye scenari i obshhestvennye predpochtenija // *Polis*. № 4.
- Melville** A., Timofeev I. 2009. Russia in 2020: Alternative Scenarios of the Near Future // Almquest K., Linalater A.(eds.) *On Russia*. — Stockholm.
- Melville** A., Timofeev I. 2010. 2020: rossijskie al'ternativy revisited // *Politeia*. № 2.
- Mezhuev** B. 2016. Suverennoe bessoznatel'noe // *Tetradi po konservatizmu*. № 3.
- Mikhalkov** N. 2010. *Pravo i pravda: Manifest prosveshhennogo konservatizma* (<http://polit.ru/article/2010/10/26/manifest>).
- Miller** A., Luk'janov F. 2016. *Otstranennost' vmesto konfrontacii: Postevropejskaja Rossija v poiskakh samodostatochnosti* (http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf).
- Nagornyyj** A. 2015. *Rossija i «zapadniki»* (<https://izborsk-club.ru/7867>).
- Novye pravila ili igra bez pravil? Doklad po itogam XI ezhegodnogo zasedanija Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdajj». 2015 (<http://ru.valdaiclub.com/files/10088/>).**
- Ponarin** Eh., Komin M. 2016. Dilemma russkogo nacionalizma («Imperskijj» i ehtnicheskijj nacionalizm v postsovetsoj Rossii) // *Politeia*. № 4.
- Prokhanov** A. 2007. *Simfonija «Pjatoj Imperii»*. — M.
- Radaev** V. 1995. Ob istokakh i kharaktere konservativnogo sdviga v rossijskoj ideologii // Chernyshev S. (ed.) *Inoe: khrestomatija novogo rossijskogo samosoznanija*. — M.
- Remizov** M. 2014. Tri napravlenija razrushenija sovremennoj civilizacii i konservatizm // *Tetradi po konservatizmu*. № 2.
- Rogov** K. (ed.) 2016. *Politicheskoe razvitie Rossii. 2014—2016. Instituty i praktiki avtoritarnoj konsolidacii*. — M.
- Rogov** K. 2016. Politicheskaja reakcija v Rossii i «partijnye gruppy» v rossijskom obshhestve // *Kontrapunkt*. № 6.
- Schlesinger** A. Jr. 1949. *The Vital Center: The Politics of Freedom*. — Boston.
- Shhipkov** A. 2015. Rossijskaja identichnost' i russkaja tradicija na iskhode ehpokhi globalizma // *Tetradi po konservatizmu*. № 3.
- Stanovaja** T. 2016. *Kontrehlita Rossii: Iz kogo budet sostojat' obnovenyj pravjashhij klass* (<http://carnegie.ru/commentary/?fa=66248>).
- Strategija dlja Rossii. Rossijskaja vneshnjaja politika: konec 2010-kh — nachalo 2020-kh godov. 2016 (http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/05/%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B_23%D0%BC%D0%B0%D1%8F_sm.pdf).**
- Timofeev** I. 2016. From a Greater Europe to a Greater Eurasia // *Russia Direct*. Vol. 4. № 6.
- Tsygankov** A. 2016. Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin's Return to Power // *Problems of Post-Communism*. № 3.